

Сов. артист, 1973, 21/XII, № 42

ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ

Лавровский Михаил Леонидович

КАК ПРИЯТНО получить высокую оценку творчества, признание зрителей, высокое почетное звание в пору полного расцвета дарования, когда танцовщик полон сил и способен к новым свершениям! Поэтому так радостно поздравить Мишу (Михаила Леонидовича) Лавровского, лауреата Ленинской премии с присвоением ему звания народного артиста РСФСР.

Для нас, старых артистов, продолжающих работать в театре, все проносится как-то слишком быстро. Как будто совсем недавно мы замечали со сцены сидящего в директорской ложе мальчика, который жадно впитывал все происходящее на сцене. Потом мальчик поступил в хореографическое училище, подросток и под ним начали «гореть» туфли от бесчисленных пируэтов и шене. До изнеможения он и его соученики занимались в классе, а потом сами старались постигнуть тайны мощных кабриолетов и различных туров. Как пытливые исследователи юноши заставляли Валерию Лагунова повторять большое жэте, желая понять секрет его баллона. Напор и посыл в жэте антурнак, содебасках и шене были так велики, что однажды Миша буквально врезался в окно. Короче говоря, это был одаренный мальчик. Танец — это было все, что заполняло его душу и мысли.

И вот — долгожданная сцена Большого театра!

Порыв, героика, виртуозный, мощный танец — все это было близко молодому танцовщику и любимо им. Поэтому естественным дебютом в ведущей партии стал Филипп в балете Асафьева — Вайнонена «Пламя Парижа». Тут было где развернуться: вариация—призыв первого акта — ликующий полет и большой пируэт в третьем акте и, наконец, па-де-де в последнем четвертом акте дали М. Лавровскому возможность проявить основные черты своего дарования. Масштабный, занимающий в полетах

всю сцену танец, большой эмоциональный накал, мощные кабриолеты, виртуозное вращение на полу и в воздухе в четкой графичной форме — все это в первом же выступлении принесло молодому танцовщику заслуженный успех. Образ Филиппа был прост и ясен — молодой, полный страстного порыва и отваги вожака — и это не ставило перед М. Лавровским сложных актерских задач. И партнерски «Пламя Парижа», пожалуй, самый легкий в нашем репертуаре спектакль — нет ни сложных поддержек, ни глубоких психологических взаимоотношений с балериной. В общем «Пламя Парижа» было прекрасной заявкой на танцовщика-премьера.

Следующий спектакль поставил перед М. Лавровским более сложные задачи. Принц в «Золушке» Прокофьева—Захарова не традиционен. Это не голубой, лирический образ, а энергичный, своевольный юноша, любящий проказы и готовый во имя любви мчаться вокруг света за своей любимой. Музыка Прокофьева подсказывает новые, более острые и разнообразные решения образа, а дуэты с Р. С. Стручковой-Золушкой ответственны и требуют не только хорошей поддержки, но и актерского контакта с балериной. Я очень хорошо помню постановочную работу Р. В. Захарова над этим балетом и требования, которые он предъявлял к исполнителям роли Принца. Миша, словно порыв свежего ветра влетал в дворцовый зал. Верилось, что он только что соскочил с коня, на котором скакал по лугам и полям своего царства. Он был по-юношески нежен и трогателен к Золушке, а танец его был четок, стремителен и технически совершенен.

Пожалуй, наиболее трудной работой М. Лавровского на этапе становления его индивидуальности стала роль Альберта в «Жизели».

Естественно, что по характеру своего дарования, темпераменту, технической оснащенности М.

Лавровскому были ближе ранее созданные роли. Партия же Альберта — это прежде всего классика чистой воды. В танцевальной партитуре у Альберта, кроме эффектной вариации, классическая «мелочь», которая подчас труднее многих эффектных па.

Сама роль молодого графа несет в себе много тонких нюансов. С одной стороны, объективно, он — соблазнитель и виновник смерти юной девушки. С другой стороны, он нежно любящий юноша (или легкомысленный бонвиван?), глубоко переживающий свершившуюся трагедию. Роль не одноплановая и дана в развитии — от увлеченного (или забавляющего себя!) юноши до глубокой скорби и раскаяния человека, совершившего тяжкий проступок. Короче говоря, в роли много подводных камней. И огромное счастье М. Лавровского и его партнерши Н. Бессмертновой, что они вступили в этот балет под мудрым руководством крупнейшего мастера балета Л. М. Лавровского.

Альберт у М. Лавровского — в стиле и духе старинного спектакля, но он не похож на других. Танец во многом стал пластичней, завершенней, но остались и присутствия М. Лавровского темперамент (с каким бешенством он бросается на Лесниченко в конце акта или каким взрывом отчаяния звучит его вариация во втором акте), и высокая техничность, мощь кабриолетов, динамические пируэты. Это был уже экзакмен на зрелость. И Миша выдержал его с честью. Не случайно Альберт стал одной из

любимых ролей и лучших партий танцовщика, с которой он объездил почти весь мир.

Можно подробно описывать следующие этапы развития молодого танцовщика, спектакли «Дон Кихот», «Лауренсия», «Щелкунчик», «Легенда о любви», «Спартак», «Лебединое озеро». Надо было бы рассказать о блестящем выступлении в 1964 году вместе с Бессмертновой на Международном конкурсе балета в Варне, где он завоевал первую премию и золотую медаль. Но оставлю подробные исследования для профессионалов-балетоведов. Мне же хочется отметить, что для М. Лавровского каждая новая партия — это крепость, которую он берет с боем. В классе или на репетиции он «выкладывается» весь, до изнеможения повторяя трудные и

ища еще более трудные комбинации. Но творческий поиск в залах — это еще не все. Часто в Мишиной артурборной разгораются горячие споры, за которыми забываются и обед и отдых. Ищется и отстаивается свое видение любимого искусства, свое отношение и к наследию, и новым веяниям в балете.

Скажем, выступить рядом с В. Васильевым в роли Спартака — задача вообще не из легких, но создать свой, не менее убедительный образ, заставить по-своему звучать единую хореографическую партитуру спектакля — это достойно восхищения и уважения. И высочайшей оценкой этого творческого подвига явилось присуждение М. Лавровскому Ленинской премии.

Очень многим обязан Миша своему наставнику А. Н. Ермолаеву, но больше всего своему вдохновителю, строгому критику, безотказному соратнику во всех творческих свершениях — нежно и требовательно любящей матери Елене Георгиевне Чикваидзе. Поистине, слава женщине целиком и безраздельно посвятившей себя искусству и без устали пестующей порой ершистого сына.

Миша одержим балетным искусством, но это не значит, что он — аскет, отрешившийся от всего во имя танцев. Он прекрасный товарищ, весельчак и балагур. Обаяние его характера оставляет след в душах всех, кто знает его. С какой любовью, скажем, вспоминают о нем в японском «Токио-балете».

При всем при том, наступила уже пора зрелости и, может быть, надо иногда строже контролировать свои силы, потому что человеческий организм тоже требует внимания к себе, и тогда будет меньше травм и удасть больше сделать за короткий балетный век.

А в общем хочется от души поздравить нового народного артиста РСФСР, пожелать ему, как полагаются, здоровья, счастья и новых творческих свершений.

Алексей ВАРЛАМОВ.